

Й. Цвайнерт

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: НА МАТЕРИАЛАХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ В СССР В 1987–1991 гг.*

В последние годы не в последнюю очередь благодаря опыту экономических реформ в странах Центральной и Восточной Европы среди экономистов-институционалистов и эволюционистов возросло осознание важности когнитивных процессов при институциональных изменениях¹. Нет сомнений, что на эволюцию «привычек мышления» (Т. Веблена) или «укорененных ментальных моделей» (*shared mental models*) (А. Дензау и Д. Норт) влияют культурные традиции общества, которые, в свою очередь, уходят корнями в историю. Таким образом, любой анализ процесса познания неизбежно сталкивается с проблемой исторической специфики, напоминающей нам об ограниченности «унифицированных толкований в социальных науках» (*explanatory unifications in social sciences*)² и указы-

* Данная работа основана на результатах, полученных в рамках проекта, посвященного исследованию переходных процессов в странах Центральной и Восточной Европы, как процессов, определяемых траекторией прошлого исторического и культурного развития этих стран. Проект был осуществлен совместно Гамбургским институтом мировой экономики и Университетом города Гамбурга и финансировался Volkswagenstiftung. Эта работа была впервые опубликована под названием: Economic Ideas and Institutional Change: Evidence from Soviet Economic Debates 1987–1991 // Europe-Asia Studies. – 2006. – Vol. 58, № 2. – P. 169–192.

¹ См.: Young Black Choi. Paradigms and conventions: Uncertainty, decision making and entrepreneurship. – Ann Arbor, 1993.; Denzau A.T., North D.C. Shared mental models: ideologies and institutions // Kyklos. – Oxford, 1994. – Vol. 47, № 1. – P. 3–31.; Streit M. et al. Cognition, rationality and institutions. – Berlin, 2000 Egidy M., Rizello S. Cognitive economics. – Cheltenham, 2004.; Martens B. The cognitive mechanics of economic development and institutional change. – L., 2004.

² Hodgson G.M. How economics forgot history: The problem of historical specificity in social science. – L., 2001. – P. 23.

вающей на необходимость дополнять теорию конкретными историческими примерами. Если «идеи имеют значение»¹ в процессе институциональных изменений, то ключевой вопрос звучит так: каким образом можно выявить особенности восприятия людьми социальной и экономической среды данного общества? По моему мнению, ответ на этот вопрос может с большой вероятностью дать изучение процесса обсуждения экономических проблем в обществе². Данная работа посвящена анализу дискуссий среди представителей академического сообщества и журналистов. В ее основе лежит изучение публикаций в основных советских экономических журналах и в трех ориентированных на широкую аудиторию изданиях («Новый мир», «Литературная газета», «Коммунист») в период с 1987 по 1991 г. Кроме того, в будущем выйдет аналогичная работа, посвященная периоду с 1992 по 2002 г.

Мой анализ основывается на методологии, разработанной такими историками экономической мысли, как К. Прибрам (K. Pribram), М. Перлман (M. Perlman) и Ч.Р. Маккенн-мл. (Ch.R. McCann-jr.), и имеет своей целью выявить «стереотипы мышления» (*patterns of thought*) или «наследие прошлого» (*patristic legacies*), являющихся почвой для возникновения экономических идей и определяющих характер их обсуждения³. Мой подход отличается от дискурсного анализа, широко используемого в социальных науках, так как в своей работе я не придаю большого значения лингвистическому аспекту. Тем не менее существует проблема, часто обсуждаемая в контексте дискурсного анализа советских источников: допускаем ли мы, что в рассматриваемый период советские экономисты имели возможность выражать свои идеи открыто? На мой взгляд, начиная с 1987 г. эта возможность у них была, и если многие из них ею не пользовались, то во многом из-за их принадлежности к определенному со-

¹ Denzau A.T., North D.C. Shared mental models: ideologies and institutions // Kyklos. – Oxford, 1994. – Vol. 47, №1. – P. 3.

² См. неопубликованную работу: Joachim Zweynert «How can the history of economic thought contribute to an understanding of institutional change?»

³ Pribram K. A history of economic reasoning. – Baltimore, 1983; Perlman M., McCann-jr. Ch. The pillars of economic understanding: Ideas and traditions. – Ann Arbor, 1998. В соответствии с этим подходом мне более интересны социально-философские основания этих дебатов, чем их теоретическое содержание. Исчерпывающий анализ именно теоретических аспектов дискуссий по поводу советских и российских реформ см.: Sutela P. Economics and economic reform in the Soviet Union. – Cambridge, 1991; Sutela P., Mau V. Economics under socialism: the Russian case // Economic thought in communist and post-communist Europe / Ed. Wagener H.-J. – L.; NY., 1998. – P. 33–79. (частично отражено в: «Экономическая наука в странах Центральной и Восточной Европы». С. 63–71 настоящего издания).

циальному слою советского общества и в частности консервативному научному сообществу, а не по причине внешних политических ограничений.

Анализируя экономические дискуссии, имевшие место в последние годы существования Советского Союза, я надеюсь приблизиться к лучшему пониманию проблемы, недавно возникшей в теории институциональных изменений как результат осознания значимости идей и идеологии. Эта проблема касается взаимосвязи между постепенной эволюцией представлений о социальной реальности и радикальным изменением этих представлений, которые могут быть вызваны как новыми идеями, возникающими внутри общества, так и идеями, проникающими извне. Сопоставление теории и исторических реалий редко может дать ответ в терминах «или – или». Главная задача данного исследования – показать, как два типа идеологических изменений взаимодействовали между собой и как изменения экономических идей соотносятся с институциональной трансформацией в России в рассматриваемый период.

Работа имеет следующую структуру. В следующей за настоящим введением части проблемы формулируются на теоретическом уровне, затем (в третьей части) предлагаются рабочие гипотезы; в четвертой – я предлагаю собственное понимание советской идеологии; в пятой – кратко анализируется связь идеи перестройки с советской доктриной; части с шестой по восьмую посвящены ранним дискуссиям в главном советском экономическом журнале «Вопросы экономики», появлению либеральных идей и постепенному закату советской идеологии; в девятой – представлены предварительные выводы.

Теоретическая проблема

По мнению Стефано Фьори¹, совместная работа Дугласа Норта и Артура Дензау несет в себе потенциальный прорыв в области теории институциональных изменений, выдвинутой самим же Нортом. Эта теория носит градуалистский характер, так как, несмотря на то, что Норт по ходу исследования настаивает на взаимной зависимости формальных и неформальных институтов, в конце концов он явно приходит к выводу о приоритете неформальных ограничений поведения человека над фор-

---

¹ Fiori S. Alternative visions of change in Douglass North's new institutionalism // J. of econ. iss. – Lewisburg, 2002. – Vol. 36, № 4. – P. 1025–1043.

мальными¹. На первый взгляд, работа Дензау и Норта вполне соответствует градуалистскому видению Нортом институциональных изменений: определяющая черта укорененных ментальных моделей заключается в их тесном переплетении с культурой и историей. Будучи повсеместно принятыми, доминирующие в обществе ментальные модели создают эффект масштаба, их эволюция исторически обусловлена, и они обычно изменяются только постепенно.

Таким образом, если «институты отражают ментальные модели»² и если последние изменяются лишь эволюционным путем, то как можно объяснить такие феномены, как революции или завоевания? Для ответа на этот вопрос авторы прибегают к теории научных революций Томаса Куна³. Так, «парадигмы» Куна являются не чем иным, как институтами, и представляют собой ограничения, налагаемые на членов данного научного сообщества, которые упорядочивают взаимодействие внутри данной группы. Кун различает периоды «нормальной науки» (*normal science*) и «научных революций» (*scientific revolutions*). В периоды «нормальной науки», которые характеризуются «решением головоломок», рост знаний в рамках парадигмы представляет собой кумулятивный процесс⁴. Периоды «научных революций», напротив, представляют собой «некумулятивные эпизоды развития науки, во время которых старая парадигма заменяется целиком или частично новой парадигмой, несовместимой со старой»⁵. По Куну, главная причина такой революционной смены парадигм заключается в том, что «нормальная наука, например, часто подавляет фундаментальные новшества, потому что они неизбежно разрушают ее

¹ Это становится очевидным в многочисленных отрывках его работы, как, например: «Институты обычно изменяются по возрастанию, а не скачкообразно. На то, как и почему они изменяются эволюционным путем и почему скачкообразные изменения (такие, как революция или военное вмешательство) никогда не будут полностью дискретными, влияют существующие в обществе неформальные ограничения. И тогда как формальные правила могут быть изменены в результате политического или юридического решения, неформальные ограничения, проявляющиеся в обычаях, традициях и моделях поведения, значительно труднее поддаются целенаправленному изменению». North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. – Cambridge, 1990. – Р. 6 (русский перевод: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997).

² См.: Denzau A.T., North D.C. Shared mental models: ideologies and institutions // Kyklos. – Oxford, 1994. – Vol. 47, № 1. – Р. 22. Это допущение весьма проблематично, но я принимаю его в качестве рабочей гипотезы.

³ Кун Т. Структура научных революций. – М., 2001. – 608 с.

⁴ Там же. – С. 44–48.

⁵ Там же. – С. 129.

основные установки»¹. Возникшее вследствие этого и нарастающее напряжение прорывается через революцию.

Дензау и Норт очень близки к Куну, когда они обсуждают различия между «периодами нормального изучения» и периодами «видимого пересмотра» (*representational redescription*). Удивительно, что введение такого антиградуалистского элемента, как «видимый пересмотр», никоим образом не меняет их градуалистского видения институциональных изменений: «Нормальная идеология и ее идеологические последователи могут предпринимать попытки противостоять изменениям, но мы полагаем, что идеологии постепенно меняются благодаря изменению значения их терминов и понятий в других моделях, а также благодаря их иному употреблению в языке. Новые концепции, которые начинают влиять на мнения, могут также стать частью идеологии, в соответствии с теорией Дарвина о постепенной аккомодации»². Очевидно, что Дензау и Норт решили проблему теории Куна о научных революциях, несколько изменив его базовое допущение: если попытки представителей «нормальной идеологии» сдерживать изменения обречены на провал, то между новыми и старыми идеями не может возникнуть какого-либо значительного напряжения и идеи неизбежно постепенно изменяются. Согласно этому допущению революционные идеологические изменения просто невозможны. Однако суть моей критики Дензау и Норта не в том, что они неадекватно интерпретируют теорию Куна, а в том, что, на мой взгляд, невозможно применять теорию, касающуюся изменения научных идей, к эволюции идеологии³.

Рабочие гипотезы

Сам Кун без энтузиазма относился к попыткам применения его методологии к социальным наукам⁴, так как идеология играет в социальных науках не только большую, но и качественно иную роль, чем в естественных науках. Я не буду приводить здесь многочисленные определения термина «идеология», ограничившись лишь высказыванием Томаса Майера,

¹ Кун Т. Структура научных революций. – М., 2001. – 608 с. – С. 28.

² Denzau A.T, North D.C. Shared mental models: ideologies and institutions // Kyklos. – Oxford, 1994. – Vol. 47, № 1. – P. 25.

³ Тем не менее это подразумевает подзаголовок книги: «Ideologies and institutions».

⁴ Kuhn T. S. The trouble with the historical philosophy of science. – Cambridge, 1992. Применение идей Куна в исследовании экономики широко обсуждается, в частности, эта проблема детально рассматривается в работе: Patchak-Schuster T.W. Economists' interpretations and applications of Thomas S. Kuhn's Theory of scientific revolutions. – Ann Arbor: Michigan state univ., 1994. – (Diss.).

который рассматривает идеологию как «сверхнаучные оценочные суждения или политические суждения»¹, оказывающие влияние на работу ученого. Как полагает Й. Шумпетер, в построении теории экономист руководствуется определенным «видением», которое представляет собой «преданалитический акт познания, поставляющий материал для анализа». Так как это видение является «идеологическим по определению», он делает вывод, что воздействие идеологии «существует уже на самом первом этапе преданалитического познавательного акта»². Важный момент для моей дальнейшей аргументации – это то, что идеология всегда выполняет двойную функцию. Согласно У. Сэмюэлсу, «идеология… дает определение как реалий, так и ценностей данной системы. Идеология дает круг изначальных представлений о том, что *есть* и что *должно* быть… идеология охватывает не только оценочно-политические и нормативные суждения, но и саму систему мышления, которая определяет направленность и структуру всякого описания»³. Такая двойная функция идеологии – помогать структурировать восприятие и давать возможность выносить моральные суждения – проявляется и в науке, и в политической идеологии. Однако имеется существенное различие. В науке главная функция идеологии – канализировать и структурировать восприятие, тогда как восприятие окружающей среды политиком часто напрямую зависит от его оценочных суждений и их нормативных проявлений. Если перейти от естественных наук к социально-экономическим, то в игру неизбежно вступают политические идеалы. Это означает не только то, что роль идеологии значительно возрастает, но и что ее нормативная функция начинает превалировать над описательной. Мы можем проследить этот процесс в движении экономической мысли от «чистой теории» к идеям экономической политики⁴, функция идеологии смещается от описательной к нормативной.

Такие размышления по поводу двойственной роли идеологии в экономике важны для разрешения вопроса о том, является ли эволюция идей постепенным процессом, характеризующимся зависимостью от прошлого

¹ Mayer T. The role of ideology in disagreements among economists: A quantitative analysis // J. of econ. methodology. – L., 2001. – Vol. 8, N 2. – P. 254.

² Шумпетер Й. История экономического анализа: В 3 т. – СПб., 2001. – Т.1 – С. 49, 51.

³ Сэмюэл У. Идеология в экономическом анализе // Современная экономическая мысль. – М., 1981. – С. 665.

⁴ При этом я осознаю, как трудно провести здесь четкую границу, так как иногда «самая чистая» теория есть выражение политического идеала, а экономическую политику можно рассматривать с теоретической точки зрения.

пути развития, или он имеет скачкообразный и революционный характер: чем большую роль играет идеология и чем более ее функция смещается от описательной к нормативной, тем меньше вероятность скачкообразного изменения идей. Это так, поскольку подобный процесс может быть также описан как процесс уменьшающейся рациональности. По Куну, ученые совершают рациональный выбор между конкурирующими идеями, находясь в той или иной степени под влиянием «ценностей» и «совокупности убеждений»¹. Напротив, как показывает концепция Шумпетера о «преданалитическом познавательном акте», выбор экономиста между конкурирующими наборами идей всегда зависит от его мировоззрения. Если мы вновь обратимся от «чистой экономической теории» к «политической экономии» и идеям экономической политики, то здесь выбор между наборами идей в значительной степени определяется мировоззрением выбирающих, которое, в свою очередь, тесно связано с их социализацией. Так как социализация находится под сильным влиянием доминирующих культурных и религиозных традиций, то эволюцию мировосприятия можно рассматривать как процесс постепенный и характеризующийся зависимостью от прошлого пути развития.

Итак, моя рабочая гипотеза заключается в следующем: экономические идеи и в особенности идеи, касающиеся экономической политики, находятся между двумя полюсами – естественными науками и политической идеологией. Их эволюция определяется как рациональным выбором между конкурирующими идеями, так и «привычками мышления», распространенными в данном обществе. Процесс изменения идеологии можно описать так: когда общество сталкивается с серьезным экономическим кризисом, это часто приводит к дискредитации доминирующей экономической парадигмы, которая сменяется новой. Последняя может быть разработана группой местных экономистов, представляющих меньшинство, или импортирована извне. Вне зависимости от происхождения парадигмы в условиях кризиса она заменяет старую в относительно короткий период времени, и этот процесс можно назвать сменой парадигм.

В средне- и долгосрочном периодах важно откуда пришли новые идеи. Если новая идеология была разработана внутри общества, она будет, по крайне мере частично, отражать особенности местного образа мышления и поэтому будет совместима с ментальными моделями, рас-

---

¹ Кун Т. Структура научных революций. – М., 2001. – 608 с. – С. 151–178. (Kuhn T. The structure of scientific revolutions. – Chicago, [1962] 1973. – P. 175).

пространенными в обществе¹. Если идеи пришли извне, то с течением времени изменяется их интерпретация в соответствии с исторически и культурно обусловленной системой представлений. Масштабы таких изменений зависят от двух факторов: во-первых, насколько данные идеи будут способствовать осуществлению связанных с ними надежд, а во-вторых, совместимы ли они с преобладающими привычками мышления.

То, что происходило в России в 1987–1991 гг., рассматривается в данной работе в основном как импорт западных экономических идей. Значительную роль играли также местные идеи и научные контакты с экономистами Центральной Европы. Как всегда при переходе от теоретических разработок к исследованию конкретных исторических обстоятельств, невозможно точно определить «вес» каждого фактора, влияющего на ход событий. Последние два источника идеологических изменений уже были детально проанализированы в соответствующей литературе², но, насколько мне известно, влияние западных экономических идей на падение советской идеологии еще подробно не рассматривалось. Главный тезис этого исследования заключается в том, что основной проблемой переходного периода было то, что Россия не стала благодатной почвой для западных идей, и причины этому следует искать как в дореволюционном, так и в социалистическом прошлом страны.

---

¹ Хорошим примером является немецкая концепция социальной рыночной экономики; см.: Zweynert J. Shared mental models, catch-up development and economic policy-making: the case of Germany after World war II and its significance for contemporary Russia. – Hamburg: Hamburgisches Welt-Wirtschafts-Archiv (HWWA), HWWA discussion paper № 288 (будет опубликовано в: Eastern econ. journal. – 2006. – Vol. 32, № 3).

² Среди местных идей значительную роль сыграла концепция нэпа, которая в определенный период была популярной среди советских экономистов. Роль ленинского наследия и программы нэпа в дебатах периода перестройки детально проанализирована О. Дж. Банделином (Bandelin O.J. Return to the NEP – The false promise of Leninism and the failure of perestroika. – Westport (Conn.): Praeger., 2002). Влияние проникновения в Россию научной мысли из Центральной Европы на падение советской идеологии освещено в книге Филипа Хансона (Hanson Ph. The rise and fall of the Soviet economy. – L., 2003). Хансон в особенности подчеркивает роль Института экономики мировой социалистической системы и его директора Олега Богомолова в импорте «еретических» экономических идей из Центральной Европы (с. 168–169). Главной задачей института было отслеживание экономического развития в странах Восточного блока. Сотрудники института были первыми, кто начал обсуждать идеи рыночного социализма еще до 1985 г., и выступили с радикальными идеями, когда началась дискуссия. Так, например, Николай Шмелев, чья статья «Авансы и долги» будет обсуждаться далее, работал в этом институте в течение нескольких лет (см.: Hanson Ph. Some schools of thought in the soviet debate on economic reform // Berichte des BIOST. – Köln, 1989. – № 29. – P. 18).

В чем заключалась советская идеология?

Согласно широко распространенному мнению в основе советской идеологии лежали три постулата: вера в то, что марксизм-ленинизм правильно отражает социальную реальность; вера в демократический централизм (т.е. диктат КПСС); и вера в плановую экономику¹. Если согласиться с этой характеристикой, то попытки децентрализации процесса принятия экономических решений и ослабление монополии КПСС, предпринятые в 60-х годах при проведении косыгинских реформ, могли бы рассматриваться как отход от советской идеологии и зарождение процесса смены идеологических парадигм². Основная проблема при таком подходе заключается в том, что на протяжении всей истории Советского Союза содержание терминов «централизованное планирование» и «демократический централизм» менялось, и поэтому нелегко дать точное определение основным элементам советской идеологии³. Исходя из этого, политолог Нейл Робинсон⁴ предлагает иное определение советской идеологии. Он считает, что ее ключевыми элементами были не плановая экономика и не «демократический централизм», а достаточно своеобразная интерпретация истории: «Целостность советской идеологии происходила из идеи телоса коммунизма. Как составная часть идеологии, концепция те-

¹ См.: Schull J. What is ideology? Theoretical problems and lessons from Soviet-type societies // Polit. studies. – Guildford, 1992. – Vol. 40. – P. 728–741.

² Если следовать логике Дензау и Норта, то можно прийти к выводу, что 20 лет между 1965 г., когда были осуществлены реформы Косыгина, и 1985 г., когда Горбачёв пришёл к власти, являются периодом в течение которого «идеология постепенно меняется благодаря изменению значения терминов и концепций в других моделях, а также благодаря их иному употреблению в языке». (Denzau A.T., North D.C. Shared mental models: ideologies and institutions // Kyklos. – Oxford, 1994. – Vol. 47, № 1. – P. 25.). Было бы интересно изучить влияние косыгинских реформ на идеи перестройки, но это выходит за рамки данного исследования. Подробнее о реформах Косыгина и их интеллектуальной предыстории см.: Sutela P. Economic thought and economic reform in the Soviet Union. – Cambridge, 1991. – P. 70–73; Hanson Ph. The rise and fall of the Soviet economy. – L., 2003. – P. 101–108.

³ Очевидность данной проблемы следует из высказывания Джона А. Армстронга: «Существует, однако, другая сторона непризнанной открыто гибкости марксистско-ленинской доктрины. Так как базовые принципы могут быть подвергнуты пересмотру, то не существует догмы в прямом смысле этого слова. Руководство коммунистической партии определяет, что является правильным; те, кто придерживается другой интерпретации, даже если она была непререкаема ранее, становятся еретиками, и никакие ссылки на “классиков” не спасают их». Armstrong J.A. Ideology, polihics, and government in the Soviet Union. An introduction. – 4 th. – n.y., 1978. – P. 50.

⁴ Robinson N. Ideology and the collapse of the Soviet system: A critical history of Soviet ideological discourse. – Aldershot: Elgar, 1995. – P. 20.

лоса – идея, что СССР шел по особому пути развития, – структурировала идеологию, так как формировалась партийную онтологию».

По моему мнению, было бы точнее говорить здесь не о коммунистическом, а о советском телосе, так как не только марксизм полагал, что Советский Союз опережал западные страны на исторически предопределенном пути развития. Корни этой идеологии уходят глубоко в историю религии и историю развития национальной мысли. Как я уже отмечал в своем исследовании российской экономической мысли XIX в.¹, в интеллектуальной истории мысли можно проследить холистическое представление о «целостном обществе», которое потенциально противоречило западноевропейскому образу жизни и образу мысли². Не имея возможности в данной работе привести подробнее свои аргументы, я хотел бы подчеркнуть, что марксизм имел благодатную почву в России, так как во многом соответствовал русской интеллектуальной традиции, на которую, в свою очередь, повлияло православие³.

По моему мнению, телеологическая интерпретация истории как пути к целостному обществу и ее роль в советской идеологии наилучшим образом могут быть представлены в терминах теории Имре Лакатоса⁴ о научно-исследовательских программах. Эти программы состоят из двух частей: общей теоретической гипотезы, иначе говоря, «жесткого ядра», и,

¹ Zweynert J. Eine Geschichte des ökonomischen Denkens in Rußland, 1805–1905. – Marburg: Metropolis, 2002. Основные идеи можно найти в: Zweynert J. Patriotic legacies in Russian economic thought and their significance for the transformation of Russia's economy and society / Political events and economic ideas // Ed. by Barends I. et al. – Cheltenham: Elgar, 2004. – P. 263–274.

² См.: Buss A. E. The Russian-orthodox tradition and modernity. – Leiden: Brill, 2003. Во избежание неправильного понимания, я не заявляю, что Россия характеризовалась культурной гомогенностью и что представление о целостном обществе разделяли все российские мыслители. Наоборот, известно, что они делились на «западников» и «славянофилов», разделявших прямо противоположные мнения по данному вопросу. Такое разделение было характерно не только для России, его можно проследить во многих странах «догоняющего» развития. Нужно отметить, что либеральное или «западническое» крыло российского общества было всегда значительно слабее «славянофильского», что, на мой взгляд, объясняется влиянием Русской православной церкви.

³ В этом вопросе я частично не согласен с Пеккой Сутелой (Sutela P. Economics and economic reform in the Soviet Union. – Cambridge, 1991. – P. 130), который полагает, что «в основе советской экономической мысли лежат представления о социалистической экономике Каутского и Ленина». На мой взгляд, корни советской идеологии необходимо также искать в древней русской мечте о целостном обществе, которая способствовала принятию «западного» марксизма.

⁴ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М., 1995.

так называемого «защитного пояса», состоящего из вспомогательных гипотез, которые дополняют ядро, а также базовых допущений. Определяющим моментом теории Лакатоса является то, что протагонисты не могут методологически опровергнуть ядро, или основную часть, программы¹. Согласно этой теории понимание истории как пути к холистическому обществу можно трактовать как жёсткое ядро советской идеологической программы, поскольку оно не могло быть предметом идеологических дискуссий². Можно было спорить по поводу того, как правильно двигаться от «фрагментарного» общества, основанного на отчуждении, к целостному обществу, но сама идея, что мировая история идет в этом направлении, сомнению не подвергалась³. В терминах Лакатоса централизованная экономика и «демократический централизм» были главными элементами защитного пояса советской идеологии. Начиная с 50-х годов растущие противоречия между существующей реальностью и официальной доктриной инициировали непрерывные дискуссии об оптимальной степени централизма как в экономической, так и в политической сферах жизни общества. В 60-х годах и во второй половине 1980-х эти дебаты привели к попыткам осуществления экономической децентрализации в рамках системы плановой экономики.

Не противоречили ли эти дебаты и реформы, по крайней мере косвенно, советскому телосу, согласно которому характерной чертой исторического развития была все возрастающая гомогенизация общества? Конечно, противоречили, но здесь на спасение официальной идеологии

---

¹ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. – М., 2001. – С. 323.

² Как точно заметил Ханс-Юрген Вагнер, «невозможность полноценной интеллектуальной деятельности была обусловлена соблюдением табу: ядро идеологии, в особенности вопрос собственности, принцип планирования и ведущей роли партии (примат политики), были непрекаемы. Экономисты, следовавшие этому правилу, могли чувствовать себя свободно, хотя в реальности подчинялись мнению власти. ... Если кто-то шел вразрез с этим мнением, то он воспринимался как непонимающий идеологию во всей ее полноте и работающий в соответствии со своими частными интересами. Обвинить систему в несовершенстве было невозможно. Это было табу. Поэтому предполагалось, что можно улучшить систему, довести ее до совершенства» (Wagener H.-J. Between conformity and reform: economics under state socialism and its transition // Economic thought in communist and post-communist Europe / Ed. Wagener H.-J. – L.: Routledge, 1998. – Р. 12).

³ Однако ядро советской идеологии было защищено не только наказанием, следившим за посягательство на него. Так как оно относилось к будущему, его состоятельность нельзя было проверить опытным путем: любая критика отклонения реальности от идеала опроверглась тем, что реальность может быть несовершенна, но общество в любом случае движется в правильном направлении.

приходил другой элемент защитного пояса – диалектика, в соответствии с которой развитие происходит в результате взаимодействия противоположных сил. Таким образом, при определенных обстоятельствах децентрализация рассматривалась как средство, стимулирующее централизацию¹. Как мы увидим далее, это действительно соответствовало аргументации адептов перестройки.

Перестройка и советский телос

На Июньском пленуме 1987 г. ЦК КПСС заявил, что экономика является «ударным фронтом перестройки»². В своем докладе Михаил Горбачёв представил план «коренной перестройки управления экономикой». Ее необходимость была обусловлена возрастающим научно-техническим отставанием Советского Союза от западных промышленно развитых стран, которые уже «начали структурную перестройку экономики», тогда как «у нас научно-технический прогресс заморозился»³. Причина этого отставания была уже указана в Проекте новой редакции программы КПСС⁴. Не только в капиталистическом, но и в социалистическом государстве могли возникнуть противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Пришлось отказаться от доктрины, сформулированной в 40-х годах, о том, что уже удалось достичь полного соответствия производительных сил и производственных отношений. Так как советское общество все еще находилось на пути к коммунизму, производительные силы продолжали развиваться, при этом отсталые производственные отношения тормозили их эволюцию.

Для преодоления стагнации Генеральный секретарь КПСС призвал «осуществить переход от преимущественно административных к преимущественно экономическим методам руководства на всех уровнях, к широкой демократизации управления, к всемерной активизации челове-

¹ К точно таким рассуждениям прибегали реформаторы 1960-х годов; см.: Sutela P. Economics and economic reform in the Soviet Union. – Cambridge, 1991. – P. 60.

² Центральный комитет КПСС: Основные положения коренной перестройки управления экономикой // Коммунист. – М., 1987. – № 10 (1308). – С. 72.

³ Горбачёв М. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой // Коммунист. – М., 1987. – № 10 (1308). – С. 27.

⁴ КПСС. Проект новой редакции программы Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1985.

ческого фактора»¹. Это касалось использования «товарно-денежных отношений» и внедрения «экономического соревнования». Сам Горбачёв затронул вопрос о расхождении экономической программы перестройки советской идеологией, поэтому нет оснований сомневаться в серьезности его заявления: «...то, что мы уже делаем, намечаем и предлагаем, должно укрепить социализм, устранить все, что стоит на пути развития социализма и тормозит его прогресс, раскрыть его огромный потенциал в интересах народа, привести в действие все преимущества нашего общественного строя, придать ему самые современные формы»². В то же время на интенциональном уровне не предполагалось, что идеология перестройки идет вразрез с советским телосом. Фактически же она несла неразрешимые противоречия. Программа реформы предполагала инструментальный подход, являвшийся логическим продолжением советского телоса: Горбачёв и его экономические советники не имели ни малейшего сомнения по поводу способности партии привести в соответствие производственные отношения и производительные силы³. Параллельно с этим убеждением существовала уверенность в возможности сочетать рыночную и плановую экономики. Практика вскоре показала ошибочность такой позиции. Ход дискуссий по поводу экономических реформ 1987–1991 гг. показывает, как постепенно росли сомнения относительно опре-

¹ Горбачёв М. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой. // Коммунист. – М., 1987. – № 10 (1308), июль. – С. 25–47. – С. 31. Под сильным влиянием интеллектуального климата того периода экономисты, которые позже сыграют ключевую роль в перестройке – Л.И. Абалкин (1930), А.Г. Аганбегян (1932), Н.И. Петраков (1937), – начиная с 60-х годов выступали за «гуманизацию» экономической жизни. Типичным примером является цитата из книги Л. Абалкина «Хозяйственный механизм развитого социалистического общества» (М.: Мысль, 1973. – С. 215–216): «Современный этап общественного развития отличается резким повышением роли так называемого человеческого фактора... Внедрение научной организации труда, осуществление строжайшего режима экономии, использование достижений научно-технической революции – все это требует новых привычек и традиций, глубоких изменений в социальной психологии людей». Теория возрастающего значения человеческого фактора становится официальной догмой при Горбачёве: в сентябре 1986 г. была опубликована сенсационная статья известного советского социолога Татьяны Заславской «Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость» (Коммунист. – М., 1986. – 13 сент. – С. 61–73). Информацию о биографии Заславской можно перепнуть в: Åslund A. Gorbachev's economic advisors // Soviet economy. – Silver Spring, 1987. – № 3. – Р. 261.

² Горбачёв М. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой // Коммунист. – М., 1987. – № 10 (1308), июль. – С. 25–47. – С. 29.

³ Пекка Сутела и Владимир Май говорят об «иллюзии объективности» (objectivity illusion), характерной для ключевых фигур перестройки (Sutela P., Mau V. Economics under socialism: the Russian case / Economic thought in communist and post-communist Europe / Ed. by Wagener H.-J. – L.; NY., 1998. – Р. 36).

деляющей роли Коммунистической партии в развитии экономики, и в конце концов, было признано существование экономических законов, независящих от политической воли.

Ранние дебаты в «Вопросах экономики»

В 1986 и 1987 гг. большинство советских экономистов все еще обслуживали политические интересы правящей партии, в меньшей степени по причине политического давления (хотя, возможно, и это имело место), а в большей степени из-за сложившихся за десятилетия советской власти моделей поведения и мышления. Таким образом, именно партийный тезис о «коренной перестройке управления экономикой» предопределил вопросы для обсуждения в профессиональной экономической среде. Какова природа основных противоречий социализма и как они могут быть разрешены? Какие уроки можно извлечь из опыта развития капиталистических стран? Каков оптимальный баланс между административными и экономическими методами управления?

Экономическое противоречие социализма

Сразу после публикации Проекта новой редакции программы КПСС в «Вопросах экономики» началась дискуссия об «экономических противоречиях социализма»¹. В ходе дебатов по данной теме была опубликована по крайней мере двадцать одна статья. С одной стороны, та активность, с которой научное сообщество воспользовалось шансом обменяться мнениями по данному закрытому для обсуждения в течение десятилетий вопросу, определенно показывает желание преодолеть идеологические барьеры прошлого. С другой стороны, дискуссия выявила тот печальный факт, о котором Леонид Абалкин², один из инициаторов обсуждения, сказал, что «игра в слова» и «определения» стала основным занятием советских экономистов³. В данном контексте дебаты показали, как написал в 1987 г. А.И. Анчишкин, что «экономическая наука да и обще-

¹ Куликов В.В. Противоречия экономической системы социализма как источник ее развития // Вопр. экономики. – М., 1986. – № 1. – С. 117–128.

² Абалкин считается наиболее выдающимся советским экономистом эры Горбачёва. Краткую биографическую справку о нем можно найти в ст.: Åslund A. Gorbachev's economic advisors // Soviet economy. – Silver Spring, 1987. – № 3. – P. 260–261.

³ Абалкин Л.И. Экономические противоречия социализма: (К итогам дискуссии) // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 5. – С. 3–13.

ственные науки в целом оказались не готовыми к ответу на вопросы, поставленные XXVII съездом партии, Январским (1987 г.) пленумом, всем ходом нашего развития»¹. Тем не менее в ходе дискуссии впервые было выдвинуто предположение, что проблемы советской экономики могут корениться в конфликте между бюрократической формой организации и некоторыми «естественными» экономическими законами². Один из авторов позволил себе критиковать даже основу советского телоса: «Необходимо преодолеть метафизические представления о способах развития, о существе развития как процессе разрешения противоречий»³. Это действительно была атака на святая святых, и поэтому совершенно нетипичное заявление для 1987 г.⁴

Ценообразование

Попытка перейти от философских дебатов к специфическим экономическим проблемам была продемонстрирована в обсуждении «Комплексного решения проблем планового ценообразования», открытом Николаем Петраковым, ведущим экономистом перестройки, в первом номере «Вопросов экономики» за 1987 г. То, как он предлагал осуществлять идеологические новации, было типичным для первых двух лет перестройки: а именно, ссылаясь на Маркса, который заявлял, что социальные потребности (т.е. спрос) определяют объем общественного труда, затрачиваемого на производство продукта. Из этого следовало, что советских экономистов, игнорировавших факторы спроса, можно обвинить в

---

¹ Цит. по: Экономическая теория и практика перестройки // Коммунист. – М., 1987. – № 5. – С. 35.

² Например, Юрий Пахомов и Виталий Врублевский писали, ссылаясь на опыт 70-х и 80-х годов, что «экономические законы, если с ними не считаться, “мстят” за это, приводят к весьма тяжелым социально-экономическим последствиям» (Пахомов Ю.Н., Врублевский В.К. Формирование и разрешение экономических противоречий социализма // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 3. – С. 90).

³ Ракитский Б. Проблемы перестройки политической экономики социализма // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 12. – С. 22.

⁴ Статья Ракитского спровоцировала острую реакцию Кайзина и Хубиева, которые защищали от нападок Ракитского сталинский учебник «Политическая экономия» 1954 г. издания. См.: Хубиев К., Кайзин А. Основная структура экономической системы социализма в условиях его всестороннего совершенствования // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 6, Экономика. – М., 1988. – № 3. – С. 11–22.

отступлении от догмы¹. Тем не менее дискуссия все еще касалась «совершенствования калькуляции плановых издержек производства»², а не перехода к рыночным ценам³. Несмотря на это, экономисты часто употребляли термин «радикальный», все еще веря в то, что административные меры могут обеспечить более рациональное использование факторов производства.

Однако некоторые авторы по крайней мере отмечали последствия определения цены на основе спроса. Один из участников дискуссии, в частности, заметил, что в плановой экономике цены не могут выполнять их основную функцию, а именно «выводить... малоэффективных изготовителей из сферы создания общественного продукта»⁴. Другой экономист обвинил своего консервативного коллегу, обеспокоенного возможностью нарушения равновесия плановой экономики при либерализации розничных цен, в том, что его больше беспокоит сбалансированный план, а не рыночное равновесие⁵.

Дискуссия о ценообразовании вызвала резкий протест консервативного «лагеря». Один из авторов самоотверженно защищал догму о том, что цены при социализме не могут отражать ничего, кроме «общественно необходимых затрат», и полагал, что вся эта дискуссия «надуманная»⁶. Неудивительно, что Госплан, используя свое собственное издание «Плановое хозяйство», тоже активно противостоял реформе ценообразования. Не было случайным совпадением, что параллельно с дискуссией о ценах, развернувшейся в «прогрессивном» тогда журнале «Вопросы экономики», Анатолий Дерябин, консерватор, бывший заведующий отдела в

¹ Петраков Н.И. Плановая цена в системе управления народным хозяйством // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 1. – С. 44–45.; см. также: Гатовский Л.М. Стоимость и потребительная стоимость в условиях интенсификации // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 6. – С. 15–24.; Бородин Ю.В. Закон стоимости и цена в социалистическом хозяйстве // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 12. – С. 62–77.

² Петраков Н.И. Плановая цена в системе управления народным хозяйством // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 1. – С. 51.

³ Вместо того чтобы выдвигать конкретные предложения, некоторые авторы туманно формулировали необходимость с этической точки зрения «демократизации процесса ценообразования» (Комин А.Н. Перестройка ценового хозяйствования // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 3. – С. 114).

⁴ Ефремов В.А. Цены в системе планового управления производством // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 6. – С. 52–60.

⁵ Бородин Ю.В. Закон стоимости и цена в социалистическом хозяйстве // Вопр. экономики. – М., 1987. – № 12. – С. 69.

⁶ Кондрашев Д.Д. Вопросы совершенствования ценообразования // Вопр. экономики. – М., 1988. – № 1. – С. 96.

Институте экономики Академии наук, призывал к «сохранению достоинств советской системы цен»¹.

Новый официальный учебник политической экономии и дебаты по поводу социалистической формы собственности

Экономические дебаты получили новый стимул с публикацией в феврале 1988 г. нового официального учебника политической экономии, написанного коллективом авторов под руководством В. Медведева² и в тесном сотрудничестве с Л. Абалкиным и А. Аганбегяном³. В самом начале книги читатель узнает, что основные задачи экономической науки – выявление законов развития общества⁴, и «отрицание законов равнозначно отрицанию науки, ее способности выявить за внешней хаотичностью явлений их внутреннюю связь и логику»⁵. При всей своей «прогрессивности» авторы были полностью убеждены в том, что история представляет собой «движение к социализму», или, иначе говоря, социальное развитие всегда характеризуется «прогрессом человеческой цивилизации»⁶.

В наши дни было бы ошибкой называть этот учебник консервативным, так как, несмотря на защиту ядра советской идеологии, он отошел от ряда догм, формировавших ее защитный пояс. Особое внимание было уделено «социалистической собственности». Структура учебника была представлена в «Вопросах экономики», где также началось его обсуждение. В ходе дискуссии Геннадий Горланов приравнял институт общественной собственности к бюрократизму, что, по его мнению, и привело к отходу от социализма⁷. Этот тезис был поддержан Гавриилом Поповым, в то время редактором «Вопросов экономики»: «...на практике чувство хозяина у каждого трудящегося не стало единственной компенсацией уничтоженного частного интереса. Таким образом, возникло положение, при котором социалистическая собственность не имеет настояще-

¹ Дерябин А.А. Совершенствование системы цен // План. хоз-во. – М., 1987. – № 1. – С. 81.

² Биографическая справка: Sutela P. Economics and economic reform in the Soviet Union. – Cambridge, 1991. – Р. 97–98.

³ Биографическая справка: Åslund A. Gorbachev's economic advisors // Soviet economy. – Silver Spring, 1987. – № 3. – Р. 259–260.

⁴ Политическая экономия: Учебник для вузов / Под ред. Медведева В.А. – М., 1988. – С. 21.

⁵ Там же. – С. 60.

⁶ Там же. – С. 731.

⁷ Горланов Г.В. Экономическое содержание общенародной собственности и механизм ее реализации // Вопр. экономики. – М., 1988. – № 3. – С. 34–41.

го хозяина – ни в лице трудящихся, ни в лице аппарата. Это стало базисным противоречием нового строя¹. Если государственная собственность была главной причиной противоречий в социалистическом обществе, то попытка осуществить коренные экономические реформы, не меняя базовую структуру собственности, была «иллюзией»². Большинство советских экономистов тем не менее все еще верили, что «социалистическую отчужденность» можно преодолеть посредством реформы социалистической собственности. При этом призывы к переходу к «общенародной собственности», которая не будет «подавлять личность работника»³, обычно не сопровождались конкретными предложениями по обеспечению этого перехода.

Ко второй половине 1988 г. стали очевидны противоречия между такими призывами и реальным кризисом советской экономики. Однако перед тем как перейти к рассмотрению окончательного провала советской экономической идеологии, мы проанализируем, как идеология, которая вскоре должна была заменить марксистскую догму, стала предметом обсуждения в советской экономической среде.

Проникновение западных либеральных идей

Проникновение либеральных идей в советскую экономическую мысль происходило в основном по двум каналам. Во-первых, посредством дискуссии о структурных изменениях в капиталистической экономике в академическом журнале «Мировая экономика и международные отношения» «(МЭ И МО)». Во-вторых, через такие либеральные газеты и журналы, как «Литературная газета» и «Новый мир».

Обсуждение реформ в странах Запада на страницах «МЭ и МО»

«МЭ и МО» издавался и издается Институтом мировой экономики и международных отношений РАН, основанном в 1956 г. – в начале периода

---

¹ Попов Г. Дискуссия о проблемах бюрократизма // Вопр. экономики. – М., 1988. – № 12. – С. 4.

² Куликов В.В. Общественная собственность и демократизация экономической жизни // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 5. – С. 53.

³ Абалкин Л.И. Социалистическая собственность: проблемы перестройки: (По материалам доклада института РАН) // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 4. – С. 85.

оттепели. В годы правления Брежнева журнал предоставлял возможность ученым высказывать точку зрения, отличную от официальной. Главная задача института – освещать экономическое развитие в капиталистических странах – давала возможность его сотрудникам изучать темы и литературу, недоступные для других¹. В октябре 1986 г. на страницах «МЭ и МО» развернулась дискуссия «Государственное регулирование и частное предпринимательство в капиталистических странах: эволюция взаимоотношений», которая продолжалась два с половиной года. В коротком прологе Виктор Кузнецов наметил проблемы для обсуждения. С начала 1980-х годов в западных странах имела место волна приватизации, которая, без сомнения, позволила стимулировать экономический рост. Кузнецов заявлял, что советские экономисты не должны игнорировать новые факты, и «было бы неправильно пытаться насилием втиснуть эти факты в теоретические схемы, которые способны объяснить их лишь частично или неудовлетворительно»².

В ходе данной дискуссии впервые главные принципы советской идеологии были подвергнуты сомнению. Те, кто верил в правильность марксистских догм и чья вера подкреплялась возрастающим вмешательством государства в экономику западных капиталистических стран, которое имело место в 70-х годах, испытывали «теоретический дискомфорт»³. Предметом дискуссии стал вопрос о том, является ли реприватизация краткосрочным феноменом, отражающим неоконсервативную моду, или же за ней стоят объективные причины, присущие капиталистической экономике в целом. Большинство авторов «МЭ и МО» считали реприватизацию «наиболее естественным»⁴ путем решения проблем капиталистических стран, вызванных политикой полной занятости, проводимой в 70-х годах. По словам Якова Певзнера, «прежние требования национализации носили временный и конъюнктурный характер, тогда как нынеш-

¹ Свободное владение языками работников института способствовало тому, что они были лучше знакомы с западными экономическими системами и западной экономической литературой, чем рядовой сотрудник Академии наук.

² Кузнецов В.И. Почему реприватизация? // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1986. – № 10. – С. 87.

³ Капельюников Р.И. Реприватизация и теория обобществления // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 1. – С. 71.

⁴ Осадчая И.М. Сдвиги в концепции и практике государственного регулирования экономики // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1986. – № 12. – С. 101; а также: Коллонтай А.В. Реприватизация – звено в общем перераспределении экономических функций // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 4. – С. 81.

ний поворот основан на более объективной оценке действительности...»¹ Такого рода высказывания не остались без внимания со стороны представителей так называемого консервативного лагеря. Ряд авторов попросту отрицали тот факт, что массовая приватизация имела место в странах Запада², или подчеркивали ее временный характер³.

Значение дискуссии о структурных изменениях в экономике капиталистических стран имела особый смысл, так как о проблемах советской экономики говорилось под видом критики западного «государственного-монополистического» капитализма. Это становится очевидным, если мы обратимся к статье Виктора Студенцова «Буржуазная национализация и приватизация в механизме государственно-монополистического капитализма», которая и открыла данное обсуждение. Студенцов заявлял, что даже самофинансирование не оградит госпредприятия от государственного вмешательства, так как нереалистично надеяться, что оно уменьшит политическое вмешательство в национализированный сектор экономики⁴. В своих предварительных выводах по итогам дискуссии, опубликованных в январе 1989 г. в «МЭ и МО», Виктор Студенцов так ответил на вопрос: «Политическая власть или экономический закон?», который возник в ходе дебатов о противоречиях социализма: государственное регулирование «эффективно срабатывает лишь там и тогда, где и когда корректирует, но ни в коем случае не игнорирует и не попирает мотивы рыночных агентов. ...Если государственные меры идут вразрез с интересами хозяйственных агентов, последние либо их проигнорируют, либо изыщут пути обхода»⁵.

---

¹ Певзнер Я. Государственная собственность как часть системы экономического регулирования // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 3. – С. 59.

² Шапиро А.Л. Демонтажа ГМК не было и нет // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 6. – С. 82–88.; а также: Мочерний С.В. К вопросу об исторической перспективе государственно-монополистического капитализма // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 7. – С. 94–98.

³ Паньков В.С. Дeregulирование и эволюция хозяйственного механизма ГМК // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 4. – С. 72–76.; а также: Гнатовская Н. Приватизация – экономическая политика // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1987. – № 12. – С. 114–116.

⁴ Студенцов В.Б. Буржуазная национализация и приватизация в механизме государственно-монополистического капитализма // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1986. – № 10. – С. 93.

⁵ Студенцов В.Б. Сдвиги в государственном регулировании и экономическая роль государства // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1989. – № 1. – С. 8.

Дебаты в массовых печатных изданиях

Для того чтобы понять разницу между дискуссией в массовых печатных изданиях, с одной стороны, и в научных экономических журналах – с другой, нужно вспомнить, что политическая экономия была одной из самых идеологизированных академических дисциплин, и поэтому вероятность того, что данная наука привлечет оппозиционно мыслящих студентов (будущих научных работников) была минимальна¹. Несогласные с официальной доктриной практически не могли сделать успешную карьеру в экономической науке. Такое положение вещей объясняет почему в таких изданиях, как «*Новый мир*» и «*Литературная газета*», экономические проблемы обсуждались в более радикальной манере, чем в специализированных экономических журналах («МЭ и МО» можно позиционировать между этими двумя типами изданий).

В мае 1987 г., накануне Июньского пленума, в «*Новом мире*² было опубликовано сенсационное письмо редактору под провокационным названием «Где пышнее пироги?», в котором Лариса (Попкова) Пияшева³, в то время кандидат экономических наук⁴, опровергла все идеологические принципы, лежащие в основе концепции перестройки: «У меня есть некоторый опыт изучения “третьего пути”, по которому пробовали вести свои страны западноевропейские социал-демократии в послевоенные десятилетия. “Социал-демократическое десятилетие” со всей наглядностью подтвердило правильность ленинского убеждения, что третьего

¹ Sutela P., Mau V. Economics under socialism: the Russian case / Economic thought in communist and post-communist Europe / Ed. by Wagener H.-J. – L.; NY., 1998. – P. 37. Сутела и Мао говорят даже об «отрицательном с точки зрения развития науки отборе студентов в вузы на специальности, связанные с социальными науками».

² Уже во второй половине 50-х и в 60-х годах «*Новый мир*» был самым либеральным журналом и часто использовался экономистами для публикации реформаторских предложений (см.: Sutela P. Economics and economic reform in the Soviet Union. – Cambridge, 1991. – P. 74–75.

³ Лариса Пияшева публиковала свои статьи под псевдонимом Попкова, а иногда Попкова-Пияшева, что было причиной недоразумений: один из ее критиков (Вебер А.Б. Вот такие пироги // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1989. – № 8. – С. 122–124.) пытался выявить различия во взглядах Л. Попковой и Л. Пияшевой. Тот факт, что она предпочла опубликовать свою первую радикальную статью в 1987 г. под псевдонимом, можно расценивать как знак того, что свобода мнений в Советском Союзе все еще подавлялась. Однако, на мой взгляд, надо быть осторожным с такими выводами, так как и сотрудники западных исследовательских институтов имели бы все основания прибегнуть к псевдониму, если бы они выступали с призывами к социалистической революции на страницах газет.

⁴ Она подчеркнула этот факт, подписав свое письмо «Лариса Попкова, к.э.н.».

не дано. Нельзя быть немножко беременной. Либо план, либо рынок, либо директива, либо конкуренция»¹.

Там, где был опробован «третий путь», как в некоторых социалистических странах, стало очевидно, что «где больше рынка, там пышнее пироги». Таким образом, Советский Союз шел ошибочным историческим путем, а капитализм еще не достиг своего расцвета: «И западные социалисты, и наши товарники считают, что эра чисто рыночной экономики безвозвратно ушла в прошлое. Я же иногда думаю, что западный мир только еще стоит на ее пороге, он в самом начале пути. Свободное предпринимательство было долго придушено остатками феодализма и деятельности всякого рода утопистов, из-за чего XX век оказался таким кровавым, – придушено, но, как мне кажется, не задушено, у него есть сердце будущее, нравится это нам или не нравится. Реальности надо смотреть в глаза»².

Ирония истории заключается в том, что книга «Экономический неоконсерватизм: Теория и международная практика», написанная совместно Пияшевой и ее мужем Борисом Пинскером, была опубликована в рамках книжной серии «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма». При этом в ней авторы подвергли критике такие явления, как «национал-социализм», «социал-реформизм», «социальная рыночная экономика ФРГ», а также другие формы социальной организации, в какой либо форме ограничивающие экономическую свободу³. В ряде статей, опубликованных в 1988–1990 гг., Пияшева и Пинскер призывали к проведению радикальных экономических реформ и рисовали красочную картину капиталистического будущего России⁴. Частью этой картины было то, что «кто-то, к примеру, в типографию вложит и будет литературу по экономи-

¹ Попкова Л.И. Где пышнее пироги? // Новый мир. – М., 1987. – № 5. – С. 238.

² Там же. – С. 241. Ее муж Борис Пинскер сформулировал ту же идею следующим образом: «В середине 70-х годов стал оправданным старый приговор: углубление общего кризиса капитализма. Только вызван был кризис вовсе не анархичностью конкуренции, а ростом государственных расходов и усилившимся роли государства в социальной и экономической жизни». (Пинскер Б.С. Бюрократическая химера // Знамя. – М., 1989. – № 11. – С. 187).

³ Пияшева Л.И., Пинскер Б.И. Экономический неоконсерватизм: Теория и международная практика. – М., 1988. – С. 4. По перечисленным критикуемым явлениям нетрудно догадаться, кто вдохновил Пияшеву и Пинскера. В интервью, которое они дали Филиппу Хансону в 1990 г., они признались, что являются поклонниками идей Хайека с того момента, когда впервые познакомились с его работами (Hanson Ph. The rise and fall of the Soviet economy. – L., 2003. – P. 213).

⁴ См.: Пинскер Б.С., Пияшева Л.И. Собственность и свобода // Новый мир. – М., 1989. – № 11. – С. 184–198.

ческому либерализму издавать – Ф. Хайека да М. Фридмана или учебник Поля Самуэльсона¹. Политические рекомендации, вытекающие из таких предложений в 1990 г., конкретизировал Пинскер: «Итак: одномоментная либерализация всех цен и широкомасштабная приватизация, принудительная раздача 60–70 процентов производительной собственности в первый же месяц реформы есть единственный способ совершить реформу с минимальным риском для социального и политического равновесия»².

Главный тезис Пияшевой и Пинскера о несовместимости рынка и плана лег в основу дискуссии, развернувшейся в массовой прессе³. В статье «Авансы и долги», опубликованной в июне 1987 г., Николай Шмелёв заявил, что нарушать экономические законы «также непозволительно и страшно, как законы ядерного реактора в Чернобыле»⁴. Интересно, что, атакуя догму полной занятости, Шмелёв ссылается на концепцию естественной безработицы Милтона Фридмана, но неверно интерпретирует ее, как число «ищущих или меняющих место работы»⁵. Эта статья является также поразительным примером того, как марксистская терминология просачивалась в неолиберальные работы российских авторов: Шмелёв заявлял, что для увеличения эффективности труда необходима «сравнительно небольшая резервная армия труда».

Закат советской идеологии

В 1989 и 1990 гг. три фактора способствовали отказу от советской идеологии: нарастающий кризис советской экономики, влияние западных неолиберальных идей и «бархатные» революции в странах Центральной

¹ Пияшева Л. Как мы будем жить в условиях рынка? Прогноз оптимиста // Литературная газ. – М., 1990. – 30 мая. – № 22 (5296). – С. 10.

² Пинскер Б.С. Иллюзия мягкой посадки // Литературная газ. – М., 1990. – 18 сент. – № 38 (5312). – С. 11.

³ Левиков А. Как преодолеть изобилие дефицита: Цена и рынок // Литературная газ. – М., 1988. – 14 дек. – № 50 (5220). – С. 10; Селонин В. Чёрные дыры экономики // Новый мир. – М., 1989. – № 10. – С. 153–178.; Селонин В. Последний шанс // Литературная газ. – М., 1990. – 2 мая. – № 18 (5292). – С. 2.

⁴ Шмелёв Н. Авансы и долги // Новый мир. – М., 1987. – № 6. – С. 157.

⁵ Там же. – С. 148. Это определение фрикционной безработицы, которая является лишь частью естественного уровня безработицы (*NAIRU*). Другой автор С. Ершов в статье, опубликованной в «Литературной газете» в 1989 г., ссылался на концепцию *NAIRU*, выступая против политики полной занятости (Ершов С. Полная занятость: обещает ли она оздоровление экономики? // Литературная газ. – М., 1989. – 2 авг. – № 31 (5253). – С. 11.

Европы и в ГДР¹. В 1989 г. стало очевидно, что перестройка не выполнила задачи повышения уровня жизни населения². Острая нехватка товаров народного потребления, а также ухудшение и других экономических показателей привели к необходимости чрезвычайных мер. Частично был восстановлен административный контроль, в частности, над потребительскими ценами и заработной платой. Также была предпринята неудачная попытка ужесточения финансовой дисциплины. Экономический спад подтвердил предположения либеральных экономистов о несовместимости рыночной и плановой систем. В результате возврата к административному контролю возникло осознание того, что перестройка может разделить судьбу косыгинских реформ 1960-х годов³.

Как было упомянуто выше, отдельная глава в новом учебнике по политэкономии, изданном в 1988 г., была посвящена «социалистическому рынку». Обсуждение этого экономического феномена началось в «Вопросах экономики» в июле того же года в достаточно консервативной статье Алексея Емельянова, где он утверждал, что рыночные элементы должны всегда подчиняться институтам централизованного планирования⁴. В «МЭ и МО» появились два критических комментария на статью Емельянова, где авторы, обсуждая рынок, уже не употребляли прилагательное «социалистический», а один из них охарактеризовал рынок как «одно из величайших достижений человеческой цивилизации»⁵.

¹ В марте 1988 г., накануне «бархатных» революций в Центральной Европе, в Венгрии (*Gyur*) состоялась конференция «Альтернативные модели социалистических экономических систем» с участием советских экономистов, экономистов из социалистических стран, а также западных экономистов (включая иммигрантов из стран ЦВЕ). Конференция была посвящена реформам, проводимым в рамках социалистической системы. Филип Хансон, осветивший эту конференцию в своей книге (Hanson Ph. *The rise and fall of the Soviet economy*. – L., 2003. – P. 214), подчеркивает ее роль в осознании иллюзорности идеи рыночного социализма в СССР.

² По данным ЦРУ в 1986, 1987 и 1988 гг. в СССР наблюдалась скромный рост ВВП и даже значительное улучшение производительности труда. Однако в 1989 г. оба показателя приняли отрицательное значение. (CIA, *Measuring Soviet GNP: Problems and solutions*. – Wash, 1990.).

³ Шмелёв Н.П. Об экстренных мерах по предотвращению раз渲ла советской экономики // Вопр. экономики. – М., 1990. – № 1. – С. 19–25.

⁴ Емельянов А.М. Экономический механизм и социалистический рынок средств производства // Вопр. экономики. – М., 1988. – № 7. – С. 19–25.

⁵ Певзнер Я. Новое мышление и необходимость новых подходов в политической экономии // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1988. – № 6. – С. 5–22.; Шейнис В.Л. Капитализм, социализм и экономический механизм современного производства // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1988. – № 9. – С. 16.

В ходе дебатов, по словам Альберта Рывкина, стало очевидно, что в советской экономике больше не существовало «единой теории, с которой были бы согласны все экономисты»¹. За год до этого, в 1988 г., Виктор Шейнис призвал к созданию «новой общеориентической парадигмы», которая бы позволила «увидеть окружающий нас мир таким, каков он есть, представить, каким он может стать завтра, и отдать себе отчет в том, каким он ни завтра, ни послезавтра заведомо стать не сможет»². Его слова показывают, что причина растущих расхождений теоретических взглядов и политических рекомендаций лежит в возможности по-разному интерпретировать направление исторического развития. Итог был подведен Валерием Радаевым и Александром Аузаном в сентябре 1989 г.: «Пройденный социализмом путь образно можно представить и как отрезок прямой, и как зигзаг, и как тупик. Отсюда и стратегия преодоления кризиса оказывается различной: продление, “совершенствование” элементов положительного опыта, накопленного в предыдущих фазах; признание результатов проделанного движения и отказ от методов их достижения в новых формах развития; “отбуксовка” назад и поиск новой дороги от данной исторической “развилки”»³. Если советскую историю можно было интерпретировать «и как отрезок прямой, и как зигзаг, и как тупик», то это означало, что ядро советской идеологии треснуло. Однако для понимания особенностей дальнейшей дискуссии важен тот факт, что хотя уверенность в том, что страна идет по пути социализма, была подорвана, но вера в то, что существуют «объективные законы» исторического развития, оставалась сильной.

Как показано выше, экономисты периода перестройки, видевшие себя продолжателями реформ 60-х годов, изначально надеялись на то, что плановую экономику можно усовершенствовать. В дальнейшем экономический кризис сделал очевидным необходимость рынка и для них. При этом они продолжали придерживаться концепции, согласно которой рыночные элементы могут быть встроены в социалистическую систему⁴.

¹ Рывкин А.А. Экономическая теория и реальность // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 1. – С. 130.

² Шейнис В.Л. Капитализм, социализм и экономический механизм современного производства. // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 1988. – № 9. – С. 5.

³ Радаев В.А., Аузан А.А. Социализм: Возможные варианты // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 9. – С. 116.

⁴ Так же как в ходе обсуждения вопросов «товарно-денежных отношений» и «социалистической собственности», они заявляли, что социалистический рынок не противоречит социализму и изначально «буржуазный» феномен «реализуется в специфических для

Без преувеличения можно сказать, что статья Леонида Абалкина «Рынок в экономической системе социализма», где он говорит о будущем социализма, явилась лебединой песней идеологии перестройки: «Экономическая система, которая должна сложиться в результате перестройки, призвана сочетать: наивысшую эффективность производства с гуманистическими целями его развития;... возрождение кооперации и широкое развитие кооперативных начал с укреплением и обновлением общенародного сектора экономики; становление социалистического рынка, усиление его воздействия на производство с улучшением методов централизованного планового управления»¹.

Эти заявления могли бы звучать убедительно, если бы они были озвучены в более или менее стабильной ситуации предшествующего периода, но в 1989 г. стало очевидно, что страна находится в преддверии серьезнейшего кризиса, преодолеть который с помощью политических лозунгов невозможно. Резким ответом Абалкину и Петракову стала статья Евгения Ясина «Социалистический рынок или ярмарка иллюзий?», опубликованная «в дискуссионном порядке»² в октябре 1989 г. в официальном органе КПСС журнале «Коммунист»: «Пора отрешиться от иллюзий: легкого пути решения стоящих перед страной экономических проблем не существует. Мы подошли к тому порогу, когда нужны решительные, хотя и болезненные, непопулярные меры, когда их осуществление откладывать больше нельзя, ибо чем дальше, тем тяжелее будет операция»³. Меры, предложенные Абалкиным и Петраковым, были, по мнению Ясина, недостаточными, так как в них не хватало «ключа, который соединил бы все в целостную программу»⁴. Этим ключом были свободные цены: «Свободные цены вкупе с самостоятельностью предприятий и

Продолжение сноски со с.59
социализма формах» (Абалкин Л.И. Рынок в экономической системе социализма // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 7. – С. 5). Николай Петраков также полагал, что социализм не призван «разрушить рынок, а управлять им» (Петраков Н.И. Актуальные проблемы формирования рынка в СССР // Этот трудный, трудный путь: экономическая реформа / Под ред. Абалкина Л.И. – М.: Мысль., 1989. – С. 138–139).

¹ Абалкин Л.И. Рынок в экономической системе социализма // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 7. – С. 3.

² Ввиду радикальности статьи редакторы посчитали необходимым указать, что «оценки и предложения, представленные в статье, выражают личное мнение Е. Ясина».

³ Ясин Е. Социалистический рынок или ярмарка иллюзий? // Коммунист. – М., 1989. – № 15 (1349). – С. 53.

⁴ Там же. – С. 54.

прямыми хозяйственными связями – это минимум, с которого начинается рынок»¹.

Другое табу было нарушено, когда в уже упомянутой статье Альберт Рывкин атаковал интеллектуальных отцов косыгинских реформ 60-х годов, на которых неоднократно ссыпались не только Горбачёв², но и ведущие экономисты перестройки Аганбегян, Абалкин и Петраков. Рывкин полагал, что твердая вера Канторовича, Немчинова и Новожилова в возможность «оптимизировать» социалистическую экономику, внедрив методы линейного программирования, была сомнительной попыткой «социального инжиниринга»³. Он также считал, что эта вера, типичная не только для советских, но также и для весьма влиятельных западных экономистов, таких, как Пол Самуэльсон, достигла экстремальных проявлений в «экономико-математической школе»⁴. Убежденность автора в невозможности построения совершенного социально-го механизма явно отражала идеи Поппера и Хайека, хотя Рывкин впрямую не ссыпался на них.

---

¹ Ясин Е. Социалистический рынок или ярмарка иллюзий? // Коммунист. – М., 1989. – № 15 (1349). – С. 54. Реакция Ясина не была исключением. В первой половине 1990 г. ряд авторов заявляли, что программа перестройки в целом доказала свою иллюзорность, так как рынок и план несовместимы. См.: Куликов В.В. Общественная собственность и демократизация экономической жизни // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 5. – С. 47–60 Логинов В.П. Есть ли выход из кризиса? (Итоги экономического развития за четыре года пятилетки) // Вопр. экономики. – М., 1990. – № 4. – С. 3–14; Бородин Ю.В. О некоторых вопросах становления рыночной экономики // Вопр. экономики. – М., 1990. – № 7. – С. 20–32.

² Горбачёв М.С. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой // Коммунист. – М., 1987. – № 10 (1308). – С. 25–47. – С. 28.

³ Рывкин А.А. Экономическая теория и реальность // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 1. – С. 130–141.

⁴ Там же. – С. 141. Эта оценка кажется абсолютно оправданной. Так, Василий Немчинов писал в 1962 г.: «Сейчас особенно важно, чтобы экономисты стали социальными инженерами, а экономическая наука – точной наукой... Экономист должен уметь настраивать механизмы управления общественным производством и регулировать работу этого механизма. Лишь в этом случае он будет отвечать предъявляемым к нему требованиям» (Цит. по: Немчинов В.С. Экономико-математические методы и модели. – М., 1962. – С. 5). Самуэльсон без сомнения оказал большое влияние на идеи экономистов-математиков ЦЭМИ. Филип Хансон (Hanson Ph. The rise and fall of the Soviet economy. – L., 2003. – Р. 97), который посетил ЦЭМИ в 1964 г., описывает институт «как комнату с несколькими стульями и столами, где работают блестящий экономист Виктор Волконский и группа молодых женщин-математиков, вооруженных копиями книги Самуэльсона “Основы экономического анализа” и англо-русскими словарями».

Смена парадигм или эволюционное развитие?

С 1989 г. идеи ведущих мыслителей-экономистов, чьи труды сформировали предпосылки для неоконсервативной революции в Великобритании и США, начали проникать в советские экономические журналы. Идеи Фридриха Августа фон Хайека были освещены с большой симпатией Наталией Макашёвой¹ в «Вопросах экономики», а в декабре в «МЭ и МО» появился перевод его работы «Конкуренция как процедура открытия»². Параллельно Гавриил Попов познакомил читателей с основными идеями Милтона Фридмана в «Вопросах экономики», за чем последовала анонимная весьма положительная рецензия на «Избранные труды М. Фридмана», а в июле 1990 г. «Новый мир» напечатал на своих страницах первую часть русского перевода труда Хайека «Дорога к рабству»³.

Очевидно, что в советской экономической мысли старые догмы были «заменены целиком или частично на несовместимую с ними новую». Это следует не только из содержания советских экономических журналов. В 1990 г. Винсент Барнетт провел исследование отношения к рынку советских и британских экономистов, результаты которого ясно показали, что, несмотря на все еще существовавшую «приверженность и к социализму, и к плану»⁴, 95% советских экономистов по сравнению с 66% британских полностью или частично были согласны с тем, что «рынок является лучшим механизмом регулирования экономической жизни», а также в большей степени поддерживали идею радикальной приватизации⁵.

На мой взгляд, хотя определенно произошла смена парадигм, можно показать, что революция и зависимость от прошлого пути развития не обязательно являются взаимоисключающими. Это становится очевидным, если мы рассмотрим развитие экономической мысли в России в 1992–2002 гг. Важно подчеркнуть, что интерпретацию западных либе-

¹ Макашёва Н.А. Фридрих фон Хайек: мировоззренческий контекст экономической теории // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 4. – С. 146–156.

² Публикацию сопровождала статья Ростислава Капелюшникова «Философия рынка по Хайеку».

³ В предисловии к русскому изданию Хайек упоминает, что его книга уже издавалась на русском языке в 1982 г., однако я не смог узнать какие-либо подробности об этом издании.

⁴ Barnett V. Conceptions of the market among Russian economists: A survey // Soviet studies. – Glasgow, 1994. – Vol. 44, № 6. – P. 1093.

⁵ Ibid. – P. 1094.

ральных идей в значительной степени определяли интеллектуальные традиции социалистического и дореволюционного прошлого страны. Типичным примером восприятия российскими либеральными экономистами идей монетаризма является выше упомянутая публикация Гавриила Попова, посвященная Милтону Фридману. Первым ключевым элементом такой интерпретации был тезис о том, что в 70-х годах и капитализм, и социализм столкнулись по сути с одинаковыми проблемами, и монетаризм предложил способ их решения: «Казавшееся первоначально совершенно “ископаемым”, “патриархальным”, “ностальгическим”, это направление (монетаризм) стало привлекать все большее внимание по мере того, как к концу XX в. в обеих социальных системах – и капиталистической, и социалистической – стали все яснее становиться безусловные пределы централизованного руководства человеческим обществом, противоречия, опасности и тупики централизма»¹. Второй ключевой элемент – это убежденность в том, что монетаризм дает правильную интерпретацию исторических законов, определяющих судьбу человечества: «Нет сомнений, что многолетние дискуссии между кейнсианством и “чикагской школой” имеют прямое отношение ко многим проблемам нашей перестройки, в том числе и к предлагаемым сегодня для решения этих проблем мерам. К. Маркс в предисловии к “Капиталу” заметил немецкому читателю по поводу английской основы своих теоретических выводов: “Не твоя ли история это?” И добавил: “Страна, прошленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего”»².

Суть российского неолиберализма можно сформулировать следующим образом: рыночная экономика есть естественная форма организации экономической среды. И в Советском Союзе, и в странах Запада этот естественный порядок был нарушен социалистами и социал-демократами, что привело к стагнации в конце 70-х годов. И если в Западной Европе и в США неокосервативная революция восстановила этот порядок и вновь вернула общество на естественный путь исторического развития, то советские лидеры и их экономические советники все еще мечтали о «социализме с человеческим лицом».

Независимо от того, была ли такая интерпретация монетаризма адекватной, очевидно, что российские неолибералы во многом способствовала коллапсу советской идеологии. Однако неолиберальные идеи

---

¹ Попов Г. Восстание против кейнсианства: Милтон Фридман // Вопр. экономики. – М., 1989. – № 12. – С. 139.

² Там же. – С. 140.

прежде всего воспринимались как антиидеология марксистско-ленинской доктрины. Как антителос, этот либерализм находился под влиянием той самой идеологии, которой он противостоял. Российские либералы были «по традиции» убеждены, что являются носителями абсолютной истины, и в результате их либерализм был не менее утопичен, чем вульгарный марксизм их оппонентов.

В последние годы существования СССР ядро советской идеологии – вера в то, что страна идет по дороге построения целостного общества, – сменилось уверенностью, что она зашла в тупик. Непоколебимым осталось понимание истории, как процесса движения к определенной цели: либеральный телос пришел на смену советскому телосу. При этом импортированные с Запада неолиберальные идеи, безусловно, сыграли важную роль в создание условий для проведения реформ в начале 90-х годов. Тем не менее нельзя забывать, что особенности интерпретации этих идей отражают во многом утопичные интеллектуальные традиции, полученные в наследство от социалистического прошлого.

Главная характеристика утопической идеологии – это то, что она направлена в будущее, и для нее «исключительно важно, чтобы реальность развивалась в правильном направлении»¹. Путь к оздоровлению экономики был намного более болезненный и затянутый, чем прогнозировали не только российские, но и западные неолиберальные эксперты. Так как неолиберальная доктрина по-прежнему принципиально противоречила российской интеллектуальной традиции, от нее практически ничего не осталось после того, как она оказалась неспособной быстро выполнить свои обещания. На втором этапе дебатов, который начался примерно в 1993 г., идеи, импортированные с Запада, подверглись постепенной адаптации к определенным траекториям прошлого ментальным моделям, преобладающим в России. Этот этап дискуссий (1992–2002) будет подробно рассмотрен мной в следующей работе.

Перевод О.Н.Пряжникова

---

¹ Gerner K., Hedlund S. Ideology and rationality in the Soviet model: A legacy for Gorbachev. – L.: Routledge, 1989. – P. 20.